

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 84–97

Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 84–97

DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-84-97

Идеи об общем происхождении японцев и айнов в периоды Токугава (1603–1867) и Мэйдзи (1868–1912)

В. В. Щепкин

Аннотация

На протяжении последних полутора столетий в Японии не утихает дискуссия о том, является ли она моноэтническим национальным государством или в ней живут представители и других этнических групп, отличных от японцев. В данной статье предпринята попытка рассмотреть в исторической перспективе место айнов в дискуссии японской нации, в частности, идеи об общем происхождении японцев и айнов.

Формирование представлений японцев о мире как о разделенном на народы с набором отличительных признаков относится ещё к эпохе Токугава (1603–1867). Тогда же приобретает характер этнонима и обозначавшее айнов понятие «эдзо», которое до того обозначало скорее жителей дальней периферии страны, не затронутых благотворным цивилизующим влиянием императора. В наиболее ранних описаниях айнов японские авторы продолжали опираться на китайский цивилизационный нарратив, представляя айнов как полную противоположность японцам и фиксируя внимание на отличиях. В то же время ещё в конце XVIII в. были впервые озвучены идеи об общем происхождении японцев и айнов, основанные на схожести некоторых культурных практик и общей лексики.

В период Мэйдзи (1868–1912) отношение к идее об общем происхождении японцев и айнов было двойственным. В дискуссиях о японской нации айны могли выступать в самых разных ролях: и как коренной народ, вытесненный японскими «пришельцами», и как ближайший родственник – естественный объект ассимиляции, и как составной элемент «смешанного» японского народа, и как подчиненный народ на низшей ступени иерархии.

Ключевые слова: айны, айны в Японии, происхождение японцев, этногенез японцев, японская нация, японский национализм, моноэтническая нация, многонациональная империя

Автор: Щепкин Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

ORCID: 0000-0003-0007-1143

E-mail: vshepkin@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Ideas About the Common Origin of the Japanese and the Ainu During the Tokugawa (1603–1867) and Meiji (1868–1912) Periods

V. V. Shchepkin

Abstract

Over the past century and a half, Japan has been debating whether it is a mono-ethnic nation-state or whether there are representatives of ethnic groups other than the Japanese living in it. In this article, I attempt to consider in a historical perspective the place of the Ainu in the discussion about the Japanese nation, in particular the idea about the common origin of the Japanese and the Ainu.

The formation of Japanese ideas about the world as divided into peoples with a set of distinctive features dates back to the Tokugawa era (1603–1867). At the same time, the concept of “Ezo,” a name for the Ainu at that time, acquires the character of an ethnonym, which in the previous epochs rather meant the inhabitants of the country’s remote periphery, not affected by the beneficial civilizing influence of the emperor. In the earliest descriptions of the Ainu, Japanese authors continued to rely on the Chinese civilizational narrative, presenting the Ainu as the exact opposite of the Japanese and focusing on the differences. At the same time, at the end of the 18th century, ideas about the common origin of the Japanese and the Ainu were first voiced, based on the similarity of some cultural practices and common vocabulary.

During the Meiji period (1868–1912), attitudes towards the idea of the common origin of the Japanese and the Ainu were ambivalent. In discussions about the Japanese nation, the Ainu could act in a variety of roles: as an indigenous people displaced by the Japanese “invaders,” as the closest relative and therefore a natural object of assimilation, as an integral element of the “mixed” Japanese people, and as a subordinate people at the lowest level of the hierarchy.

Keywords: Ainu, Ainu in Japan, origin of the Japanese, ethnogenesis of the Japanese, Japanese nation, Japanese nationalism, monoethnic nation, multinational empire.

Author: *Shchepkin Vasilii Vladimirovich*, Candidate of Sciences (History), senior researcher, Institute of Oriental Manuscripts of RAS: 18, Dvortsovaya emb., St. Petersburg, 191186, Russia.

ORCID: 0000-0003-0007-1143

E-mail: vshepkin@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Период Мэйдзи (1868–1912) стал для Японии временем формирования современного национального государства и, как его условия, единой японской нации. Для этой цели на протяжении всего периода задействовались самые разные идеологемы и инструменты. При этом всё это время не утихала дискуссия о том, какая она, японская нация, – «чистая» или «смешанная»? Этот вопрос порождал и целый ряд других: что означает «быть японцем» и можно ли «стать японцем»? являются ли японцы коренным народом Японского архипелага или «захватчиками»? а если они «смесь» различных коренных этнических групп, то каких именно? Эти вопросы не были пустым теоретизированием, ведь они определяли ход дальнейшего развития японской государственности: быть ли Японии моноэтническим национальным государством или становиться многонациональной империей.

Интересно, что и сегодня, спустя более столетия после окончания эпохи Мэйдзи, жители Японии не пришли к единому ответу на вопрос о том, кто они и откуда. В 2019 г. парламент Японии принял

«Закон о продвижении мер по созданию общества, в котором будет уважаться достоинство айнов», в котором айны называются коренным народом Японского архипелага. Фактически это стало первым юридическим шагом в сторону отказа от представлений о Японии как о моноэтническом государстве, господствовавших в обществе ещё несколько десятилетий назад. В данной статье будет предпринята не претендующая на полноту попытка рассмотреть в исторической перспективе место айнов в дискуссии о японской нации, в частности различные формулировки идеи об общем происхождении японцев и айнов.

Представления о японцах и айнах как о народах

В период Мэйдзи дискуссия о японской нации оказалась тесно связанной с вопросами этногенеза японцев, этнической истории Японского архипелага, западным дискурсом нации, империализма, колониализма и т. д. В действительности интерес к этим вопросам наметился в Японии ещё в предшествующий период Токугава (1603–1867), и уже тогда некоторые японские мыслители испытали влияние западных идей и представлений.

Прежде всего, нужно отметить, что со второй половины XVI – начала XVII вв. с началом активных контактов с европейцами в Японии стали накапливаться знания о мировой географии и первые образцы карт мира. С этим связано и начало представлений о мире как о разделённом на страны, в каждой из которых живет свой народ, говорящий на своём языке. Показательной в этом смысле является знаменитая карта мира Маттео Риччи 1602 г., получившая широкое распространение в странах Восточной Азии: на ней и Африка, и обе Америки, не говоря уже о Европе и Азии, разделены на множество стран, окрашенных в разные цвета, – при том, что в действительности государства не успели к тому времени охватить и половины территории земной суши.

Вслед за этим, уже со второй половины XVII в. в Японии получили распространение географические сочинения с описанием всех стран мира, такие как *«Исследование торговых сношений Китая и варваров»* Нисикава Дзёкэн (1695 г.) и *«Отобранные и рассмотренные чужеземные речи»* Араи Хакусэки (1713 г.) [Щепкин 2017, с. 72–76]. Одновременно с этим, очевидно, формировались

представления и о Японии как одной из стран мира со своим народом и языком, и о ближайших соседях. Примечательно, что земли айнов, не имевших государственности, во многих текстах XVIII в. также называются «страной» (яп. *куни* 國) (см., напр., [Mogami 1969a; Shcherkin 2016]).

Формирование представлений об айнах как о народе с отличным от японцев набором признаков (язык, внешний вид, культура, территория проживания) также относится к XVII–XVIII вв. Именно в этот период приобретает характер этнонима (а также топонима и лингвонима) слово *эдзо*, до XVII в. связанное скорее с представлениями о нечистоте (яп. *кэгарэ* 穢れ), а также наследуемыми ещё из древности китайскими идеями о цивилизованном центре и окраинных варварах [Kikuchi 1994, p. 46–47]. Примечательно, что слово «айны» (*айну* アイヌ) как самоназвание айнов получило распространение также в XVII–XVIII вв. В японских текстах (в форме *айно* アイノ) оно впервые фиксируется в 1739 г. [Sakakura 1969, p. 413], но в японском языке закрепилось лишь со второй половины XIX в.

В наиболее ранних описаниях айнов первой половины XVIII в., а также в более поздних текстах, предназначенных для широкой аудитории, японские авторы продолжают опираться на китайский цивилизационный нарратив, представляя айнов как полную противоположность японцам и фиксируя внимание на отличиях. Приведем для иллюстрации два текста этого времени. Первый из них – из популярной энциклопедии «*Вакан сансай дзуэ*», написанной на китайском классическом языке врачом Тэрасима Рёан в 1712 г.

«Эдзо с начала времен ничего не знают о мире. Со времен государства Кэйко они являются рабами нашего государства. Рост их 6 сяку. Волосы их распушены, усы и бороды длинные и свисают, заслоняя рот. Во время еды и питья они приподнимают усы палочкой и медленно прихлебывают. Глаза у них круглые и большие, сверкают. Внешностью напоминают духов-якши. Все они ходят босыми, в распахнутых одеждах, не подвязывая их. Они умело бесцумно взбираются на вершины, избегают на кручины, плавают в воде. Тела их легки и быстры, как у птиц и зверей. Вероятно, это потому, что они не едят соли и соевого соуса. Когда у них нет сил поднять тяжесть, они используют силу головы, нося тяжести на лбу. Люди этой страны редко доживают до 40–50 лет. Вероятно, это потому, что они едят мясо,

но не едят риса. Если заболевают лихорадкой, многие умирают. Особенно опасна оспенная сыпь, поскольку им неизвестна медицина. [...] В стране той нет письменности, язык непонятен. Лишь в последнее время изредка встречаются понимающие японский язык. Вино они называют сакэ. Также они пьют рыбий жир, называя его абурасакэ. Время от времени им жалуют японское сакэ, и когда они его пьют, то чрезвычайно радуются. Мечи они носят на спине, луки зажимают под мышкой. Охотятся на съедобных птиц и зверей, стреляя в них. Далеко заходить не осмеливаются» [Terashima 1715].

Второй текст – отрывок из «Иллюстрированного жизнеописания Сётоку-тайси» для детей, изданного в 1804 г.

«Изначально земли эдзо располагались к северо-востоку от императорской провинции Муцу. У людей той страны росли длинные усы, видом напомиавшие о морской креветке-эби, отчего и стали называть тех людей эмиси, ведь и креветок в те времена называли эми (си – вспомогательная частица), и лишь потом ошибочно стали называть эби. Итак, страна та была своего рода дикими землями, отделенными от императорской страны морем. Сегодня это остров Эдзо. Люди той страны чрезвычайно храбры, а в их землях пять знаков не рождаются, поскольку лежат они на севере, а сразу за ними находится страна Татария.

Можно также попасть в страну чжурчжэней Оранкай. Из-за этого начиная с середины осени наступают холода и случаются такие морозы, что пальцы отваливаются. Потому пять знаков там и не рождаются, а все местные люди покрывают тела узорами, выкапывают землянки и живут в них. У них и сейчас домов нет, а едят они мясо птиц, зверей, рыб и черепах, а раньше из шкурок птиц и зверей ещё и одежду делали. Сейчас же одежду шьют из коры деревьев под названием ацуси.

Они совокупляются, невзирая на кровное родство. Чтобы поймать разных птиц и зверей, стреляют в них из лука, а лук делают, изгибая бамбук и натягивая тетиву, а наконечник – заострив бамбук и для прочности опалив на огне, а кончик смазывают ядовитым растением под названием бусу, и так стреляют. С виду обычный бамбуковый наконечник, но поскольку он очень ядовитый, то даже такие свирепые звери, как медведь и кабан, сраженные, сразу падают насмерть.

Ещё в старых песнях пелось: «Какая жалость! В ту единственную цель угодила ты, ядовитая стрела островного варвара!» Похоже, что ещё в давние времена они использовали ядовитые стрелы. Стрелять из лука было для них привычным занятием с детских лет: из ста выпущенных стрел сто попадали в цель, и даже если стреляли по таким маленьким птичкам, как крапивник, не бывало такого, чтобы промахивались. Они чрезвычайно сильны физически, и даже говорят, что лишь сто людей нашей страны могут потягаться с одним эдзо» [цит. по Kojima 2009, p. 126–128].

На примере обоих текстов видно, что в период Токугава уже получили некоторое распространение сведения об айнах, собранные редкими путешественниками в их земли, однако в целом наиболее популярные и широко распространившиеся описания продолжают опираться на классический нарратив о варварах, обильно цитируя китайские и японские письменные памятники древности. Мы видим, что весьма точные подробности внешнего вида и быта айнов упоминаются бок о бок с не имеющими под собой оснований выдумками и стереотипами. В обоих текстах нет явных пренебрежительных или устрашающих оценок, а во втором тексте, адресатом которого выступали дети, и вовсе присутствуют элементы образа айнов, сближающие его с распространившимся в то же время в Европе образом «благородного дикаря». Тем не менее, все характеристики так или иначе «работают» на создание необычного, во всём отличного от японцев образа айнов, причём подчеркивается неизменность такого положения дел во времени, что имплицитно подразумевает отсутствие какого бы то ни было родства или общности происхождения.

Ранние идеи об общем происхождении японцев и айнов

Вслед за представлениями о Японии как об одной из множества стран мира, а о японцах – как об одном из народов, в XVIII в. зазвучали и первые идеи о происхождении японцев. Широкое распространение получило предание о китайском маге и гадателе Сюй Фу, отправленном императором Цинь Шихуанди на поиски эликсира бессмертия и ставшем прародителем японцев. Вышеупомянутый Араи Хакусэки, хотя и не соглашался с китайским происхождением японцев, в своём

труде «Очерк древней истории» (яп. *Косицу* 古史通, 1716 г.) также высказал мнение, что мифы в древнейших японских сводах являются отражением исторических событий, и их главными действующими лицами были не боги, а люди [Толстогузов 2005, с. 130]. Он же был одним из первых, кто предположил родство японцев с корейцами – эта теория получила впоследствии широкое распространение и приобрела едва ли не официальный статус в период Мэйдзи [Мещеряков 2014, с. 352–356].

К концу XVIII в. относятся и первые идеи об общем происхождении японцев и айнов. Под влиянием слухов о продвижении русских по Курильским островам, с 1780-х гг. активизируется деятельность японского правительства и отдельных интеллектуалов по изучению земель, населенных айнами. Участники экспедиций на Хоккайдо, Сахалин и Курилы получили ценный опыт длительного пребывания среди айнов и непосредственного их наблюдения. Наиболее ранний пример изложения идеи о родстве японцев и айнов мы находим в «Сообщениях об обычаях и нравах страны айнов», написанных Могами Токунаи, участником первой правительственной экспедиции в земли айнов 1785–1786 гг.

В предисловии к сочинению Токунаи его учитель Хонда Тосиаки (1743–1821) пишет, что айны «корнем происходят от японцев, а не от других стран», что, услышав «эдзо», многие представляют себе людей другого вида, но такое понимание есть «дурная привычка», а на самом деле «эдзо» называют людей, которые просто «не были затронуты учением святых мудрецов и цивилизующим влиянием правителя», были «коварны и лживы» и нарушали «законы», «не понимали своих преступлений» и «не различали статусов» [Mogami 1969a, p. 439]. В определенном смысле он предвосхитил так называемую теорию «окраинных жителей», в рамках которой *эдзо/эмиси* понимаяют как вид японцев.

Сам Могами Токунаи, наблюдая за некоторыми обрядами айнов, также видит в них древнее родство с японскими. Так, о «медвежьем празднике» *иомантэ* он пишет, как о «великом празднестве» мольбы о безопасной охоте и рыбалке в море, а поскольку убийство домашнего медведя является «осенней жертвой божествам», разнообразные подношения после убийства напоминают службу по кормлению голодных духов (яп. *сэгаки*). Это позволяет Токунаи предполагать, что таким был в японской древности осенний праздник крестьян.

Далее, наблюдая обычай *укари* – взаимного избияния дубинками, он пишет, что то, как айны, единообразно танцуя, подпрыгивают и дружно с силой топают ногами, похоже на то, как японские борцы сумо заходят на ринг [Mogami 1969a, p. 439].

Могами Токунаи обнаруживает немало схожего и в языках японцев и айнов. Он пишет, что в «*Анналах Японии*» («*Нихон сёки*») знаки «*номи*» толкуются как «молитва», что совпадает со словом «*номи*» в языке айнов. Он предполагает, что и другие слова айнов, такие как *нуса* (алтарь), *камуи* (божество), *мисаки* (мыс), *томари* (гавань), *онгами* (поклон), *мэноко* (женщина) также являются древнеяпонскими словами. Всё это приводит Могами Токунаи к выводу, что в обычаях айнов остались явные следы древних японских обычаев. В своем более позднем сочинении «*Ватарисима хикки*» он уже решительно настаивает на этой идее, говоря, что запах одежды налево и зауженные рукава, татуировки и обрезание волос, язык, этикет, молитвы для почитания божеств – всё это «происходит от обычаев нашей страны», и что, наоборот, именно японцы позаимствовали китайские порядки, вследствие чего их обычаи сильно изменились [Mogami 1969a, p. 439].

Схожие идеи высказывал и выходец из дома священнослужителей Исэ-дзингу по имени Хата Авагимару (Мураками Симанодзё). Он утверждал, что айнские заструганные палочки *инау* «подобны тому, что в нашей стране называют *хэйхаку*» (или *гохэй* – сложенные бумажные или матерчатые полоски, часто со стихами или молитвами, вывешиваемые в синтоистских святилищах как подношение богам), и они «выражают чувство почтения к пути богов», а такие слова, как *камоиноми* и *нуса* – это видоизмененные древнеяпонские слова, и вообще, «все слова языка айнов связаны с языком нашей страны» [Hata 1969, p. 500].

Сходства японской и айнской культур отмечались и другими авторами, посещавшими земли айнов в конце XVIII – первой половине XIX вв. Для большинства из них опыт общения с айнами был чем-то совершенно новым, и они вольно или невольно игнорировали факт непрерывного взаимодействия японской и айнской культур в течение предшествовавших столетий, отчего возможность культурных и языковых заимствований не рассматривалась ими для объяснения сходств. Не стоит недооценивать и политические причины теорий об общем происхождении: многие представители властной и интел-

лектуальной элиты Японии того времени считали важность освоения айнских земель ввиду угрозы со стороны России чересчур переоцененной и говорили о необходимости оставить всё как есть. Особенно определенно эту позицию разделяли власти княжества Мацумаэ, которое с начала XVII в. обладало монопольными правами на торговлю и другие отношения с айнами. Для них именно отличия айнов от японцев были значимым политическим капиталом, источником легитимности многих политических и торговых практик. Поэтому такие люди, как Могами Токунаи и Хата Авагимару, подвели определенную идеологическую основу под весьма спорные на взгляд многих перспективы перевода айнских земель под прямое управление бакуфу.

Айны в теории о «смешанной» японской нации

Позволим себе перенестись из начала XIX века в его вторую половину и рассмотреть, какое место стали занимать айны в дискуссиях о японской нации в период Мэйдзи. Можно сказать, что эта дискуссия в основном представляла собой противостояние двух точек зрения. Согласно первой, на которую в основном и опирались идеологи мэйдзийского правительства, японский народ во главе с императором был неразрывно связан с Японским же архипелагом, и все вместе они являлись продуктом деятельности божеств, что нашло отражение в древнейших мифах. Эта точка зрения выделяла японский народ среди других и позволяла задействовать множество инструментов для создания по-настоящему единой нации: язык, природу, историю, божественную и непрерывную императорскую династию и т. д. В основном она опиралась на наработки японских ученых-нэтивистов (*кокугакуся*) XVIII – первой половины XIX вв. В контексте этой точки зрения айны выступали в роли одного из «Других», на противопоставлении которым утверждалась уникальность японцев. Те помещали айнов на временной шкале прогресса в прошлое и тем самым позволяли самим себе видеть себя в настоящем рядом с западными державами.

Вторая точка зрения опиралась на западный научный дискурс того времени и была сформулирована такими людьми, как работавшие в Японии американский зоолог и археолог Э. Морс (1838–1925)

и немецкий врач Э. Бельц (1849–1913), хотя корни её можно найти ещё у иезуитов XVI–XVII вв. [Kartashov 2020, p. 18]. Согласно ей, японцы представляют собой продукт смешения нескольких «рас»: монгольской, малайской, айнской и др. – набор «компонентов» мог отличаться от автора к автору. При этом большинство сходилось в том, что айны представляют собой древнейшее население архипелага, затем пришла миграционная волна с юга (малайцы), а самым поздним стало переселение монголоидов с континента. Эта теория была впоследствии воспринята и активно развита первым поколением японских антропологов, наиболее известным из которых можно назвать Цубои Сёгоро (1863–1913).

Принимая во внимания чувства опасения по отношению к Западу, царившие в японском обществе во второй половине XIX в., неудивительно, как указывает А. Н. Мещеряков, что «идея полиэтничности вызвала бурную и эмоциональную общественную реакцию». Он приводит слова профессора Найто Тисо, который в 1888 г. заявил, что теория об автохтонности айнов и покорении их «пришлыми» японцами «является оскорблением трона», а её поборники должны быть отправлены в тюрьму [Мещеряков 2014, с. 247]. Некоторые, как ученый-нативист Курокава Маёри (1829–1906), отзывались своего рода отсылкой к взглядам токугавских исследователей айнов: в статье «*О происхождении эмиси*» 1892 г. он утверждал, что современные айны являются не отличным от японцев этносом, а потомками древних эмиси, которые в свою очередь были лишь жителями японской периферии, не затронутой благотворным влиянием японского государства в древности [Oguma 2002, p. 9].

Тем не менее, победы Японии в войнах с Китаем (1894–1895) и Россией (1904–1905), присоединение Тайваня, южного Сахалина и Кореи поставили многих перед фактом, что их страна стала многонациональной империей. Даже самым рьяным сторонникам божественного происхождения императора и уникальности японского народа пришлось приспосабливать свои взгляды к новой политической реальности. Характерным выглядит мнение Ониси Хадзимэ (1864–1900), который сомневался в том, что «теория об общем происхождении императора и всех его подданных совместима с японской национальной политикой экспансии». «Как, черт возьми, следует рассматривать людей с наших новых территорий?» – вопрошал он [Kartashov 2020, p. 26]. Ещё до Русско-японской войны,

на всемирных выставках 1903–1904 гг. Япония стала позиционироваться как многонациональное государство, а в школьном учебнике 1910 г. говорилось, что население Японии состоит из народа *ямато* (японцев), айнов, китайцев и коренных народов Тайваня [Мещеряков 2014, с. 350–351].

В этих условиях по-новому зазвучала теория о смешанном происхождении японского народа, которой придерживались многие профессиональные антропологи. В своих работах, написанных накануне и после Русско-японской войны, один из основателей японской антропологии Цубои Сёгоро отстаивал идею о том, что именно в смешанном происхождении японского народа и разнообразии жителей современной Японии кроется потенциал прогресса и военного могущества, поскольку прогресс – это результат отбора и конкуренции, которые отсутствуют в полностью однородном обществе. Он полагал, что сами японцы представляют собой «смесь малайцев, корейцев и айнов», а в Японской империи проживают также «коренные жители Тисима, некоторые из которых смешались с жителями Карафутто, айны, уроженцы Тайваня», а на островах Огасавара, населенных малайскими народами, есть также жители европейского происхождения [Kartashov 2020, p. 28–34]. Признавая, с одной стороны, смешанность происхождения самих японцев, а, с другой, многонациональный состав современной Японской империи, Цубои как будто бы отвечал на опасения многих интеллектуалов, видевших в расширении границ империи угрозу чистоте японского народа.

Таким образом, мы видим, что в период Мэйдзи в дискуссиях о японской нации айны могли выступать в самых разных ролях: и как коренной народ, вытесненный японскими «пришельцами», и как ближайший родственник – естественный объект ассимиляции, и как составной элемент «смешанного» японского народа, и как подчиненный народ на низшей ступени иерархии. Примечательно, что такая разница во взглядах на место айнов в японской идентичности никак не влияла на в целом неизменную политику правительства в их отношении, направленную на превращение айнов в рядовых земледельцев путем различных запретов на традиционные занятия – охоту и рыбную ловлю.

Библиографический список

Мещеряков А. Н. (2014). *Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Толстогузов А. А. (2005). *Японская историческая наука: проблемы изучения средних веков и феодализма: очерки истории*. Москва: Восточная литература.

Щепкин В. В. (2017). *Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII века*. Москва: Кругъ.

References

Hata, Awagimaru. (1969). Ezo seikei zusetsu [Illustrated Description of Ainu's Material Culture]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* [Compilation of the Sources on the History of Common People's Life]. Vol. 4, pp. 545–638. Tokyo: San'ichi shobo. (In Japanese).

Kartashov, K. (2020). *Modernity and the Origins of the Japanese: Analysis of Tsuboi Shōgorō's (1863–1913) Writings on the Heterogeneity of the Ethnic Background of the Japanese Nation*. Master's Thesis. Stockholm University.

Kikuchi, Isao. (1994). *Ainu minzoku to nihonjin* [Ainu People and the Japanese]. Tokyo: Asahi shimbunsha. (In Japanese).

Kojima, Kyoko. (2009). *Emishi, ezo kara ainu e* [From Emishi and Ezo to the Ainu]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Mesheryakov, A. N. (2014). *Terra Nipponica: Sreda obitaniya i sreda voobrazheniya* [Terra Nipponica: Environment of Life and Environment of Imagination]. Moscow: “Delo” RANEPa. (In Russian).

Mogami, Tokunai. (1969a). Ezo no kuni fūzoku ninjō no sata [Reports on the Customs and Manners of the Ainu Country]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* [Compilation of the Sources on the History of Common People's Life] (Vol. 4, pp. 439–484). Tokyo: San'ichi shobo. (In Japanese).

Mogami, Tokunai. (1969b). Watarishima nikki [Diary of the Voyage to the Islands]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* [Compilation of the Sources on the History of Common People's Life]. Vol. 4, pp. 521–543. Tokyo: San'ichi shobo. (In Japanese).

Oguma, Eiji. (2002). *A Genealogy of “Japanese” Self-Images*. Melbourne: Trans Pacific Press.

Sakakura, Genjiro. (1969). Hokkai zuihitsu [Following the Brush in the Northern Seas]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei* [Compilation of the Sources on the History of Common People's Life]. Vol. 4, pp. 401–414. Tokyo: San'ichi shobo. (In Japanese).

Shchepkin, V. (2016). The Manuscript Nijūgokoku chūka chikyū no zu (“Pictures of the Peoples of Twenty-Five Countries with Maps of China and the World”) in the IOM, RAS Collection. *Written Monuments of the Orient*, 1(3), 106–110.

Shchepkin, V. V. (2017). *Severnyi veter: Rossiya i ainy v Yaponii XVIII veka* [Wind From the North: Russia and the Ainu in the 18th Century Japan]. Moscow: Krug. (In Russian).

Terashima, Ryoan. (1715). *Wakan sansai zue* [Sino-Japanese Encyclopedia of the Three Origins]. Xylograph C-161 from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of RAS. (In Japanese).

Tolstoguzov, A. A. (2005). *Yaponskaya istoricheskaya nauka: problemy izucheniya srednikh vekov i feodalizma: ocherki istorii* [Japanese Historical Science: Problems of Studying the Middle Ages and Feudalism: Essays on History]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).